

**«АРХЕОЛОГИЯ ПАМЯТИ»
В РОМАНЕ Ж. РУО «ПОЛЯ ЧЕСТИ»***

Ю.А. Косова

Кафедра иностранных языков
Филологический факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются аспекты создания новой формы автобиографизма в творчестве французского писателя Ж. Руо. Писатель изучает материальные «следы» времени и превращается в «археолога» памяти. Новый подход к памятному дискурсу характеризуется построением вымышленной интриги, созданием кольцевой и спиралевидной модели романа, широким использованием интертекстуальности и игры слов в поиске ускользающих смыслов. Роман превращается в историю палимпсеста. Ирония указывает на «сфабрированный» характер романной интриги.

Ключевые слова: память, след, траурная динамика, интертекстуальность, палимпсест.

Ж. Руо принадлежит к поколению современных французских писателей, которые мыслят себя как те, «кому недостает прошлого» [12. С. 124].

В своем первом романе «Поля чести» (1990) писатель приступает к поиску причин семейной и исторической амнезии, которая превратила его в одного из «осиротевших наследников». В поиске своей идентичности он, как и все послевоенное поколение, находится перед лицом непонятного мира, лишённого референций после дискредитации всех легитимирующих его метарассказов, проанализированных Ж.-Ф. Лиотаром, и исторических преобразований, изменивших социально-политический пейзаж общества. В новом мире возможна лишь частичная правда. «Отцы не выступают больше гарантами системы мыслей, но — как жертвы Истории, которая посмеялась над ними» [12. С. 121].

Изменение мировоззренческой парадигмы производит «этическое перевертывание» в творчестве современных писателей. Их взгляд устремляется к жизням простых людей, анонимность которых исключила их из национальной и всемирной истории. Неудовлетворенные желания и скромные достижения «новых героев» не отсылают к блестящему пути их литературных предшественников. Фрагменты их биографий не представляют собой маленькие детали разобранного героического целого, а «кажутся иссушенными, обуглившимися остатками существования» [3. С. 60]. Это изменение предполагает феноменологическое сужение, проявляющееся в интересе к деталям, незначительным фактам, во фрагментарности и незаконченности повествования.

Несмотря на заявленную принадлежность к жанру «романа», произведение Ж. Руо основано на автобиографическом материале, а за маской рассказчика скрывается сам автор.

* Рец.: проф. Н.Т. Пахсарьян (МГУ им. М.В. Ломоносова); проф. В.В. Шервашидзе (РУДН).

Персонажи романа «Поля чести» — это скромные провинциалы из департамента Нижняя Луара, откуда родом писатель: Альфонс Бюрго и его жена, тетя Мари, дед Пьер, мать и отец рассказчика, Эмиль и Жозеф, погибшие в Первую мировую войну братья Пьера. Воплощаясь в героев романа, образы предков подвергаются художественной трансформации. «Даже если событийная линия, генеалогическое древо более или менее соблюдены, все те, кто знал эти истории, понимают, что они принадлежат к другому регистру — регистру романа» [6. С. 224]. Систематическое использование иронии, несмотря на трагический характер повествования, служит средством выражения очуждения от рассказываемого и вскрывает «сфабрированный» характер письма. Фрагментарная история жизни двух поколений семьи рассказчика вписывается в первую половину XX в., делая их свидетелями и жертвами двух мировых войн.

Камбон, название родного городка писателя, заменяется созвучным словом Рандом. В звуковой форме придуманного топонима заключается игра двух омофонов: глагольной формы повелительного наклонения «вернем» (*rendons*) и словосочетания «ранг людей» (*rang d'hommes*). В фонической игре заложена художественная интенция писателя, а именно: возвести этих безвестных деятелей истории в ранг «знаменитых людей», вернуть сыновний долг и создать им место в истории литературы.

В романе Ж. Руо ощущается переключкичка с идеями М. Фуко, изложенными в очерке «О жизни низких людей». Согласно философу западная литература оставила свои церемониальные функции и перестала восхвалять «видимый блеск силы, грации, героизма, могущества», чтобы «разыскать наиболее темную и заурядную часть существования» [5. С. 252].

Однако в изображении своих скромных героев Ж. Руо не отказывается от пышности и блеска биографического механизма. Писатель старается обнаружить легендарное и значительное в самом обычном существовании, в облике и поступках самых «маленьких» людей он видит возвышенные черты.

Ж. Руо заимствует конструкции коллективной памяти — биографии знаменитых людей, агиография, Библия, — чтобы рассказать о тех, кто ускользает из реестра истории. Он пишет об индивидуальной памяти через ее взаимодействие с коллективной памятью, осуществляя одновременное искажение и присвоение старых литературных кодов, не переставая различными способами подчеркивать неизбежные упущения и умалчивания. «Через игру контрапунктов (разных голосов и мелодий, интонаций, тем, стилей и регистров языка), в которых юмор смешивается с сожалением, а смехотворные сравнения соседствуют с размахом эпической истории, писатель показывает, на каких лакунах основывается памятный дискурс и биографический рассказ» [3. С. 62].

С первых слов «Полей чести» задается траурная динамика, так как писатель стремится заполнить зияющие пробелы памяти, возникшие после смерти отца в трагическом 1962 г. Страх перед непреходящей утратой и незаживающей экзистенциальной травмой, а также лакуны памяти, которые мешают процессу самоидентификации, заставляют его искать обходные пути для того, чтобы приблизиться к этому судьбоносному событию.

В первом романе смерть отца растворяется за серией ее субститутов. В концепции истории и памяти у Ж. Руо лежит теория «следа» Ж. Лакана, предложившего расшифровать индивидуальную историю через семейные архивы и традиции. История рассматривается как чтение знаков, материальных «следов» времени. Идея утраты идентичности, достоверности памяти определяет историю семьи рассказчика как «необратимое прошлое». Ж. Руо показывает, что полное восстановление прошлого с помощью интуитивной памяти, о которой мечтал М. Пруст, невозможно. Память «ощущается отныне как след, угрожаемый забвением и отсутствием» [3. С. 82].

Писатель изобретает новую форму семейной хроники, которая основана на собирании «следов» и инвертировании естественного хода жизни: художественное «рождение» персонажа начинается с момента его смерти. Такой танатологический подход ко времени нарушает реальную хронологическую последовательность событий, смешивает эпохи и поколения. Время в романе фрагментарное. Индивидуальная история тесно переплетается с коллективной историей. Повествование управляется «серийным законом череды смертей», которые обрушиваются на семью рассказчика с началом Первой мировой войны. В романе «Поля чести» точкой отсчета и основной темой является смерть отца, которая ускорила уход из жизни тетушки Мари и деда Альфонса Бюрго. Порядок представления этих смертей у Ж. Руо является ретроспективным реальным событиям. Произведение имеет спиралевидную структуру, постоянно возвращаясь к смерти отца в виде вариаций, повторений, комментариев, разъяснений. Принципы репризы и сцепления материализуют траур, представляя его как хроническую болезнь, которая неожиданно напоминает о себе в лирических или иронических рассказах о буднях семьи рассказчика и жителей Рандома. Бесконечное повторение одного и того же превращает смерть отца в лейтмотив всего произведения и помогает построить утраченный образ. «Фабульное ядро все время обогащается новыми эпизодами, растягивается во времени, но остается связанным с фундаментальной травмой — гибелью отца» [1. С. 49].

Ж. Руо становится своеобразным археологом, который недостающей главе «утраченного» прошлого противопоставляет тщательное собирание и исследование материальных «следов» и обрывочных дискурсов. Пространство и наполняющие его предметы становятся знаками потери, стимулирующими воображение писателя: дом и сад рассказчика, старинный буфет, кладбище Рандома, машина деда. Рассказчик внимательно рассматривает старинные фотографии и пытается представить связанные с ними события.

Вглядываясь в свадебную фотографию отца, на которой изображена необычайно женственная Мари под руку с Альфонсом Бюрго, в фотографию Алины и Пьера возле машины перед поездкой в Коммерси, в фотографию массивной Алины, царственно восседающей в кресле на фоне домашнего интерьера, в фронтальную фотографию Пьера, он «преследует» ушедших родственников [8. С. 107].

Содержание романа «Поля чести» строится вокруг этих нескольких документов, конденсирующих семейное прошлое. Сам писатель признался в романе «На небе, как на сцене»: «Вы организуете все вокруг этих нескольких изображе-

ний» [11. С. 25]. В парадигматической сети пронизывающих рассказ траурных знаков прошлого, позволяющих устанавливать переключки между разновременными событиями, видится рецепция «звездообразного» письма К. Симона (*écriture étoilée*) [7. С. 91]. Произведения Ж. Руо требуют от читателя активной работы памяти и запоминания, которые должны позволить соотнести отдаленные отрывки произведения.

Композиционное построение романа «Поля чести» подчиняется двум принципам, которые определяются новой художественной практикой в изображении истории семьи как «необратимого прошлого». В четырех главах произведения отражается действие «серийного закона смертей» [9. С. 9]. Оно проявляется в ретроспективном движении от последней по времени смерти к первой. Первая глава рассказывает о кончине деда Бюрго. Вторая глава посвящена жизни и смерти тети Мари. Четвертая глава — это предчувствие трагического конца Жозефа, склонившегося над могилой недавно похороненных родителей с явным желанием лечь рядом с ними, «как если бы он уже готовился ответить на скорый призыв: „Я здесь!“» [9. С. 187]. Третья глава не нарушает композиционную логику романа, она представляет собой реализацию металитературного приема «рассказ в рассказе»: рассказчик пересказывает содержание обнаруженного на чердаке дорожного журнала Пьера, составленного во время его поездки в Коммерси за останками брата Эмиля, погибшего в 1917 г. Такое деление на главы создает кольцевую модель романа, соединяя смерть деда Бюрго, с констатации которой начинается роман, с предшествующим ей событием, а именно: недолгим пребыванием старика в доме дочери после похорон ее мужа.

Второй композиционный принцип позволяет условно разделить произведение на две части. В первой половине романа повествуется о событиях, отметивших детство рассказчика. Речь идет о некоторых эпизодах из жизни тети Мари, деда Бюрго и отца, о которых у него сохранились смутные воспоминания. Вторая половина романа описывает период, предшествующий рождению рассказчика, восстановить который он может только при помощи создаваемых им персонажей-посредников: события Первой мировой войны, история любви Пьера и Алины. Демаркационная линия вновь оказывается связанной с последним визитом Альфонса Бюрго к дочери, когда он оставляет в дар детям собранную на чердаке коробку с «семейными реликвиями».

Двойной композиционный принцип подчеркивает смысловую важность этого эпизода для всего романа. С одной стороны, роман «Поля чести» рождается из содержащихся в коробке деда Бюрго материальных «следов» прошлого. С другой стороны, именно с этого момента становится возможным «чтение в обратном порядке», благодаря которому раскрывается «второй уровень письма» Ж. Руо. «Поля чести» превращаются в историю палимпсеста: в безобидных событиях настоящего обнаруживаются при ретроспективном взгляде скрытые трагические знаки прошлого, каждый элемент приобретает новое символическое или метафорическое значение, что позволяет приблизиться к ускользающей внутренней правде героев. В таком подходе к смыслопорождению из пустоты, из молчания прошлого письмо Ж. Руо сближается с некоторыми идеями К. Симона. «Отношения

in praesentia являются порождающими. Явления косвенной семантизации устанавливают дополнительные значения и образуют множество палимпсестов. Наконец, самое важное заключается в том, что недостающий смысл всегда где-то в другом месте, в складчатой толще текста: следовательно, читать обозначает связывать, но подразумевает одновременно развязывать, раскладывать, распускать» [7. С. 118].

Ж. Руо разрабатывает эстетику «смотрящего в сторону или косога взгляда» [10. С. 36]. Этот художественный подход основывается на оптическом механизме, который способствует постоянному изменению точки зрения. Он позволяет «бесконечно перечитывать и поправлять то, что уже было написано, в том числе свои собственные книги, предлагает исследовать в них страты неожиданных смыслов» [4. С. 69].

Стремление писателя восстановить прошлое заставляет его обратиться к вымыслу и к созданию сюжетной истории, отвергнутой предшествующим поколением писателей, которые видели в ней выражение господствующей идеологии и опору «великих метарассказов», которые доказали свою несостоятельность после пережитых ужасов Второй мировой войны и Холокоста. Возвращение к рассказыванию историй подразумевает построение интриги, установление причинно-следственных связей между событиями, возможность поставить финальную точку, найти определенный смысл, что казалось невозможным для таких писателей, как М. Дюрас, К. Симон и Ж. Перек.

Через шестьдесят лет после последней военной общемировой трагедии молодое поколение прозаиков, среди которых Ж. Руо, видят возможность посредством вымысла свидетельствовать о событиях, участниками которых они не были, и создавать портреты забытых людей. По мнению многих исследователей творчества Ж. Руо, в романе «Поля чести» ему удастся создать субъективную реконструкцию крупного исторического события начала века — Первой мировой войны, — вписав его в искусственно построенную интригу, которая придает ему смысл. Непоследовательная, фрагментарная, характеризующаяся временными разрывами и выпадающими звеньями, интрига в романе Ж. Руо определяется загадкой, связанной с гибелью двух двоюродных дедушек рассказчика на полях сражений, и сознательным замалчиванием этой трагедии представителями старшего поколения семьи.

Присутствие тайны выражается в создаваемом писателем «хаосе» воспоминаний, впечатлений, образов, ощущений, в которые он погружает читателя, мешая ему найти ориентиры в тексте. Смерть отца является отправной точкой историко-генеалогического поиска следов «утраченного времени», в который вовлекаются все персонажи романа. Романная интрига завершается разгадкой тайны гибели Эмиля и Жозефа и компенсирует терпение читателя, сталкивающегося с неопределенностью и недосказанностью на протяжении всего романа. Однако на последних страницах «Полей чести» закрытие одной интриги знаменуется появлением другой, связанной с тайной жизни отца.

Намек на новую событийную линию, которая не получает развития в первом романе, делает произведение принципиально незаконченным, подрывая смысл интриги, свойственной бальзаковскому роману. Таким образом, для воссоздания не-

известных событий прошлого Ж. Руо комбинирует два вида интриги — синтагматическую и парадигматическую. Первый тип интриги предполагает восстановление линейной последовательности событий и связан с использованием вымысла. Парадигматическая интрига создается чтением разбросанных по всему роману знаков прошлого и принимает форму своеобразного диалога «вещей». В такой манере письма можно видеть рецепцию художественной концепции К. Симона, который заменял традиционную романную интригу «парадигматическим письмом», основанным на игре аналогий и повторов. Два подхода к конструированию действительности взаимодополняют друг друга, отражая диалектику жизни и смерти, циклический характер индивидуальной и коллективной истории.

Игра эхо между различными эпизодами романа и интертекстуальный диалог с другими текстами культуры (литература, история, живопись и т.д.) вскрывают повторяющийся опыт боли и страдания, который циркулирует между разными поколениями людей. Трагичность существования связывает рассказчика и его героев с их двойниками, случайными (сын могильщика Жюльен) и знаменитыми (литературные герои и исторические личности). Как в палимпсесте, автор расширяет под плетением желаний и поступков своих героев нестираемый отпечаток прошлых людей. Это превращает настоящее в повторение беспокойного прошлого и принимает силу закона. Удаленность прошлых лет и несовершенство памяти определяют неизбежное искажение автобиографической и исторической информации. Писатель создает фрагментарные модели существования своих героев в форме недостроенного пазла, имеющего неоднозначный, ускользающий смысл и представляющего собой мерцание множества других жизней. На основании нового подхода к памяти и к значению «другого» Ж. Руо создает новую версию автобиографизма.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Baty-Delalande H.* «Cela suffisait-il pour s'inventer une histoire?». Écriture de ressassement et poétique centrifuge // Lire Rouaud. — Lyon: Presses universitaires de Lyon, 2010 — P. 37—55.
- [2] *Debreuille J.-Y.* L' héroïcomique // Lire Rouaud. — Lyon: PUL, 2010. — P. 13—36.
- [3] *Demanze L.* Encres orphelines, Pierre Bergougnieux, Gérard Macé, Pierre Michon, Paris: Éditions José Corti, 2008.
- [4] *Ducas S.* La fable de l'auteur, entre filiation et invention // Lire Rouaud. — Lyon: PUL, 2010. — P. 57—72.
- [5] *Foucault M.* Dits et Écrits III. — Paris: Gallimard, 1994. — P. 237—253.
- [6] «L'homme nouveau»: Entretien avec Jean Rouaud // Lire Rouaud. — Lyon: PUL, 2010 — P. 219—233.
- [7] *Orace S.* Le chant de l'arabesque. Poétique de la répétition dans l'oeuvre de Claude Simon. — Amsterdam — New York: Éditions Rodopi B.V., 2005.
- [8] *Rouaud J.* Des hommes illustres. — Paris: Les Éditions des Minuit, 1993.
- [9] *Rouaud J.* Les Champs d'honneur. — Paris: Les Éditions des Minuit, 2007.
- [10] *Rouaud J.* Régional et drôle. — Nantes: Éditions Joca Seria, 2002.
- [11] *Rouaud J.* Sur la scène comme au ciel. — Paris: Les Éditions des Minuit, 1999.
- [12] *Viart D.* «Filiations littéraires» // États du roman contemporain. Écritures contemporaines 2. — Paris: Minard — Lettres modernes. — P. 115—139.

«ARCHAEOLOGY» OF MEMORY IN J. RUO'S NOVEL «FIELDS OF GLORY»

Yu.A. Kosova

Foreign Languages Department
Philological Faculty
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article deals with the aspects of creating a new form of autobiographism in the works of the French writer, J. Ruo. The author studies material “tracks” of time and changes into a “memory archaeologist”. A new approach to the memory discourse is characterized by presenting an invented intrigue, a circular and tangled model of the novel, the extensive usage of intercontextuality and play on words while searching for eluding meanings. The novel turns into the history of palimpsest. The irony proves the “trumped-up” style of the novel intrigue.

Key words: memory, tracks, mourning dynamics, intercontextuality, palimpsest.

REFERENCES

- [1] *Baty-Delalande H.* «Cela suffisait-il pour s'inventer une histoire?». Écriture de ressassement et poétique centrifuge // Lire Rouaud. — Lyon: Presses universitaires de Lyon, 2010 — P. 37—55.
- [2] *Debreuille J.-Y.* L' héroïcomique // Lire Rouaud. — Lyon: PUL, 2010. — P. 13—36.
- [3] *Demanze L.* Encres orphelines, Pierre Bergougnieux, Gérard Macé, Pierre Michon, Paris: Éditions José Corti, 2008.
- [4] *Ducas S.* La fable de l'auteur, entre filiation et invention // Lire Rouaud. — Lyon: PUL, 2010. — P. 57—72.
- [5] *Foucault M.* Dits et Écrits III. — Paris: Gallimard, 1994. — P. 237—253.
- [6] «L'homme nouveau»: Entretien avec Jean Rouaud // Lire Rouaud. — Lyon: PUL, 2010 — P. 219—233.
- [7] *Orace S.* Le chant de l'arabesque. Poétique de la répétition dans l'oeuvre de Claude Simon. — Amsterdam — New York: Éditions Rodopi B.V., 2005.
- [8] *Rouaud J.* Des hommes illustres. — Paris: Les Éditions des Minuit, 1993.
- [9] *Rouaud J.* Les Champs d'honneur. — Paris: Les Éditions des Minuit, 2007.
- [10] *Rouaud J.* Régional et drôle.- Nantes: Éditions Joca Seria, 2002.
- [11] *Rouaud J.* Sur la scène comme au ciel. — Paris: Les Éditions des Minuit, 1999.
- [12] *Viart D.* «Filiations littéraires» // États du roman contemporain. Écritures contemporaines 2. — Paris: Minard — Lettres modernes. — P. 115—139.